

*Кравецкий А. Г., к. ф. н.
(ИРЯ РАН, Москва)*

К ИСТОРИИ ДЕКРЕТА ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА

Для советской историографии обращение к церковной проблематике было обусловлено или чисто пропагандистскими задачами (работы такого рода, как правило, не представляют особого интереса), или же было связано с рассмотрением различных проблем истории государства. Разумеется, исследования по истории Русской Церкви осуществлялись не только в СССР, но и за рубежом. К тому же существовали и «неофициальные» исследователи, трудами которых было сохранено огромное количество документов и мему-

арных свидетельств. Но они не определяли ситуацию, а скорее, работали на будущее¹.

Необходимость исследовать собственно церковную историю, а не взаимоотношения Церкви с государством, осознавалась многими, и когда в начале 1990-х годов церковные историки получили доступ к закрытым прежде архивам, началась новая эпоха. При этом произошло заметное смещение акцентов. На смену прежнему официозу, видевшему в советском государстве несомненное благо, а в церковной организации — зло, постепенно пришла иная модель, в которой сохранялась прежняя сюжетная канва, но оценка событий становилась прямо противоположной. В качестве примера можно привести хотя бы обширную литературу, посвященную деятельности последнего российского монарха.

За последнее десятилетие было очень много сделано для уяснения позиции Церкви в ее взаимных отношениях с государством. При этом, на наш взгляд, появился определенный дисбаланс между анализом позиции Церкви и анализом позиции государства. Если позиции отдельных церковных группировок и иерархов анализируются с относительной полнотой, то описание государственной политики нередко приобретает несколько условный характер, уместный, скорее, в агиографической литературе, чем в исторических исследованиях. Большевикское государство описывается как абстрактный гонитель, наподобие египетского фараона, для объяснения образа действий которого книга Исход ограничивается лишь краткой формулой: «и ожесточилось сердце фараона» (Исх. 7: 22; 9: 35). Такой подход является единственно возможным для Священной Истории. Но у нас иной предмет. Мы можем описывать лишь внутреннюю логику исторических событий. А инструментов для того, чтобы соотнести частные сюжеты с историей Спасения (что уже предмет богословия, а не истории), мы не имеем. Поэтому для историка пренебрежение внутренней логикой, которой следует каждая из противоборствующих сторон, недопустимо.

В этой связи нужно обратиться к документу, получившему в советской историографии название «Ленинского декрета об отделении церкви от государства». Документ входит в число ранних декретов советской власти и считается отправной точкой при описании эволюции политики большевиков по отношению к религиозным организациям. В советское время этот документ изучался очень активно². При этом основным источником Декрета считалась относящаяся к 1905 г. статья В. И. Ленина «Социализм и религия». Таким образом, утверждалось, что религиозная политика большевиков была чем-то основательно продуманным.

Однако при чтении трудов советских историков возникает несколько странная картина. Позволим себе процитировать пассаж из вышедшей в 1925 г. книги Ивана Сухоплюева «Ленин о религии»: «Как только в печать проникли

¹ Например, работы М. Е. Губонина обрели читателя лишь в постсоветское время, когда автора уже не было в живых.

² См., например: *Персиц М. М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958; *К истории отделения церкви от государства и школы от церкви в СССР. Документы и материалы / Публикация М. М. Персица // Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. Вып. V. М., 1958; Шахнович М. И.* Ленин и проблемы атеизма. М.—Л., 1961.

сведения о содержании проекта декрета Советской власти об отделении церкви от государства, как только стало известно об уничтожении бюджета культов и о национализации церковного и монастырского имущества, — контрреволюционное духовенство сплотилось для защиты своих паразитических интересов»³. Далее рассказывается об известном обращении митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) и резолюции В. И. Ленина об ускорении работы над декретом. Вследствие чего «комиссариат Юстиции, получив срочное задание от т. Ленина, ускорил окончательную отделку декрета»⁴. Такое повествование мы обнаруживаем во многих советских публикациях, посвященных истории Декрета. Из подобных текстов следует, что был какой-то проект Декрета, который попал в печать. Протест митрополита Вениамина против этого проекта стимулировал появление окончательной версии Декрета.

В действительности текст Декрета имел более длинную предысторию⁵. Полагаем, что историю этого документа следует вести от 27 ноября 1917 г., когда СНК рассмотрел письмо священника Михаила Галкина, в котором тот предлагал свои услуги новому правительству. Вести переговоры с прогрессивным священником СНК поручил П. И. Стучке и В. Д. Бонч-Бруевичу. Они должны были высказать «свое мнение о возможности привлечения свящ. Галкина к активной деятельности и на какой пост»⁶. К счастью для современных исследователей, В. Д. Бонч-Бруевич серьезно относился к своему личному архиву, и письмо Галкина сохранилось. Процитируем фрагмент этого пока не опубликованного документа: «Посылаю при настоящем свою статью <...> Эту статью прошу поместить на страницах органа, в котором Совет Народных Комиссаров признает более целесообразным поместить ее. Статью можно напечатать или под инициалами М.Г. или за моей полной подписью “Священник Мих. Галкин”, но в этом последнем случае только тогда, если призовете меня к работе в Ваших <нрзб.>, так как Вам должно быть понятно, что оставаться после напечатания этой статьи среди фанатической, почти языческой массы, мне не представляется более ни одного дня. Я живу с тяжелым камнем полного неверия в политику официальной церкви. Меня тянет к живой работе. Хочется строить, бороться, страдать, торжествовать, а я в своей рясе живой мертвец! И если Вы снимите с моей души эту безмерную тяжесть, снимите, как можно скорее, — я буду Вам безгранично благодарен.

Я предлагаю Вам:

1. Организовать комиссарство по делам культов
предпринять решительные шаги по осуществлению программы отделения церкви от государства, изложенные в 11 пунктах.

³ Сухоплюев Ив. Ленин о религии. Николаев, 1925. С. 36.

⁴ Там же.

⁵ См.: *Кравецкий А. Г.* К истории появления «Декрета об отделении церкви от государства» // Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия / Сост. А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, Гизела-Афанасия Шредер, Гюнтер Шульц. М., 2002. С. 424–435.

⁶ Цит. по: *Кравецкий А. Г.* Указ. соч. С. 430.

2. Прежде напечатания моей статьи занять обер-прокурорский дом на Литейном и опечатать все хранящиеся в нем дела, которые в противном случае постараются скрыть.

3. Реквизировать Петроградскую Синодальную типографию на Кабинетном, необходимую нам для работ по приготовлению бланков, книг и прочих работ по метрикации»⁷.

А заканчивается письмо двумя чрезвычайно характерными приписками: «1. Был бы очень рад, если бы можно было передать В.-Революционному Комитету об исправлении моего телефона 504-73. Мелкое дело, но приходится сидеть отрезанным от всего мира. 2. Автор хочет знать, будет ли он комиссаром или нет. Прошу ответа»⁸.

Статья, о которой говорит здесь Михаил Галкин, была напечатана в «Правде» 3 декабря 1917 г. под заглавием «Первые шаги по отделению церкви от государства»⁹. Подписана она инициалами «М.Г.» с указанием на то, что ее автор — священник. Эта статья оказалась первым опубликованным после Октябрьской революции проектом законодательного акта, регламентирующего церковно-государственные отношения. В галкинском проекте религия объявляется частным делом каждого человека. При этом «церковные и религиозные общины объявляются частными союзами, совершенно свободно управляющими своими делами». Преподавание Закона Божия в школе объявлялось необязательным, но не запрещалось. Достаточно подробно Галкин останавливается на вопросе регистрации актов гражданского состояния. Проект передает запись актов государству, а участие в церковных обрядах и таинствах объявляет частным делом. В связи с этим М. Галкин предлагал провозгласить существование в России вневероисповедного состояния, срочно издать декрет о введении института гражданского брака, узаконить совершение на всех кладбищах гражданских похорон и допустить сожжение трупов. Галкинский проект уравнивал священнослужителей всех исповеданий с остальными гражданами по отношению к денежным и натуральным повинностям. Специально оговаривалось, что это касается и воинской повинности. Предлагалось закрыть все кредиты на содержание Церкви и духовенства, а также начать работу по секуляризации церковного имущества. При этом Галкин специально оговаривал, что «митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты и протоиереи немедленно возвращают золото, серебро, бриллианты и другие драгоценности своих митр, клобуков, панагий, посохов и крестов в народную казну, опустевшую в годину величайших потрясений». Два последних пункта галкинского проекта выглядят довольно неожиданно. Десятый пункт рекомендовал духовенству носить рясы лишь в храмах, а в общественных местах появляться в обычной гражданской одежде. И наконец, согласно 11-му пункту, предлагалось с 7 января 1918 г. перейти на Григорианский календарь. Как известно, вопрос о введении Григорианского календаря первый раз обсуждался Совнаркомом 16 ноября, т. е. за 11 дней до того, как этот орган рассмотрел письмо

⁷ НИОР РГБ. Ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевич). Оп. 2. Карт. 256. № 33. Л. 1—1 об.

⁸ Приписка синим карандашом другим почерком.

⁹ Перепечатана в: Кравецкий А. Г. Указ. соч. С. 425—429.

Галкина. А Декрет о введении Григорианского календаря был принят 24 января. Знаменательно, что М. Галкин считал календарную реформу частью религиозной политики, в то время как СНК аргументировал необходимость этой реформы «установлением в России одинакового почти со всеми культурными народами счисления времени».

Через день после публикации в «Правде» несколько иная редакция галкинского проекта была напечатана в газете «Раннее утро», а затем (6 декабря) в газете «Утро России». Эти публикации создавали впечатление, что этот проект должен был лечь в основу закона.

Можно сказать, что положения галкинского проекта стали реализовываться почти сразу. 18 декабря 1917 г. СНК принял Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», признающий юридическую силу лишь за гражданским браком. На другой день, 19 декабря, был издан Декрет о расторжении брака. А 11/24 декабря СНК обсуждал вопрос об издании Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Для подготовки этого документа была образована комиссия, в которую вошли А. В. Луначарский, П. И. Стучка, П. А. Красиков, М. А. Рейснер и священник М. Галкин. В конце декабря подготовленный комиссией проект был опубликован в газетах.

К сожалению, материалов, позволяющих проследить деятельность этой комиссии, пока не обнаружено. Но, судя по косвенным данным, можно заключить, что вокруг деятельности комиссии шла напряженная борьба. По всей видимости, это было связано с тем, что с 12 декабря 1917 г. (т. е. на следующий день после принятия решения о создании комиссии по выработке Декрета) Наркомюст возглавил левый эсер И. З. Штейнберг. О борьбе внутри Наркомюста свидетельствуют некоторые публикации 1930-х годов, авторы которых писали о влиянии эсеровской фразеологии на текст Декрета «Об отделении церкви от государства». Приведем выдержку из брошюры уже упоминавшегося здесь Ив. Сухоплюева: «То обстоятельство, что наркомом юстиции РСФСР в то время был не большевик, а левый эсер И. Штейнберг, наложило соответствующий отпечаток на разрабатываемый комиссией М. А. Рейснера законопроект. Идеология и фразеология левых эсеров отразилась в 13-й статье декрета 1918 г.: “Все имущество существующих в России церковных и религиозных обществ объявляется народным достоянием”. В программе РСДРП 1903 г. нет и не могло быть никаких намеков на “народное достояние”. В ней говорилось о конфискации церковных и монастырских земель, об отделении Церкви от государства, но не о “народном достоянии”. Термин “народное достояние” проник в 13-ю ст. декрета не из программы большевиков, а из программы партии эсеров»¹⁰.

Эти рассуждения можно было бы списать на особенности риторики 30-х годов. Но документы свидетельствуют, что членам комиссии приходилось доказывать, что они не эсеры еще весной 1918 г. В том же архивном фонде сохранилось еще одно письмо Галкина, в котором тот просит В. Д. Бонч-Бруевича за свою родственницу Ксению Семеновну Филиппову. Проблема состояла в том, что

¹⁰ Сухоплюев Ив. Ленин и декрет об отделении церкви от государства // Воинствующий атеизм. Ежемесячный научно-политический журнал. М.—Л., 1931. № 5. С. 58.

К. С. Филиппова работала в Наркомюсте, когда эта организация находилась в Петрограде, однако в силу обстоятельств не успела переехать в Москву вместе с другими сотрудниками комиссариата. Хлопоча за свою родственницу, Галкину приходится специально оговариваться, что «ни у меня, ни у нее не было никаких точек соприкосновения до работы в коллегии по выработке церковного декрета с социалистами-революционерами»¹¹. Цитированные выше строки были написаны 10–11 марта 1918 г., то есть задолго до эсеровского выступления 6 июля¹². Эти два свидетельства позволяют сделать вывод о том, что вокруг группы, участвовавшей в подготовке Декрета об отделении Церкви от государства, происходила какая-то борьба, о содержании которой мы не можем сказать ничего конкретного.

Подписанию Декрета способствовали два события, которые хорошо известны историкам. Речь идет об обращении в СНК Петроградского митрополита Вениамина (Казанского) и о попытке Александры Коллонтай захватить здания, принадлежащие Александро-Невской Лавре. Эти события хорошо известны, и мы остановимся на них лишь вкратце. В начале января 1918 г. митрополит Вениамин (Казанский) обратился в СНК с просьбой не принимать направленного против Церкви Декрета. Послание священномученика Вениамина попало к В. И. Ленину, который снабдил его резолюцией: «Очень прошу коллегия при комиссариате юстиции поспешить с разработкой декрета об отделении церкви от государства». А 19 января Александра Коллонтай предприняла неудачную попытку захватить здания Александро-Невской Лавры. В своих воспоминаниях А. Коллонтай рассказывала, как Ленин, отчитывая ее, говорил о необходимости скорейшего подписания декрета¹³. 20 января он был подписан, а на следующий день опубликован.

Особенностью этого Декрета является хаотичность и случайность его положений. Говоря об этом документе, хочется использовать характеристику, которую протоиерей Георгий Флоровский дал «Духовному регламенту»: «По форме и по изложению “Регламент” менее всего регламент. Это “рассуждение”, а не уложение. И в этом именно его исторический смысл и сила. Это скорее объяснительная записка к закону, нежели самый закон. Но для Петровской эпохи вообще характерно, что под образом законов публиковались идеологические программы»¹⁴. Лозунговый характер первых декретов советской власти осознавали и их авторы. В 1919 г. В. И. Ленин называл первые декреты «инструкциями, зовущими к массовому практическому делу»¹⁵. Т. е. уже тогда ощущалась зыбкость границ между лозунгом и законодательным актом. Поэтому весной 1918 г. никого не удивило, что «Декрет об отделении церкви от государства» не отличался систематичностью изложения. Лишь последующие законодательные акты

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 369. Оп. 2. Карт. 256. № 33. Л. 2.

¹² Впрочем, не исключено, что вопрос об участии эсеров в органах государственного управления приобрел актуальность в связи с подписанием 3 марта 1918 г. Брестского мира.

¹³ Коллонтай А. М. По социальным делам у монахов // Дон (Ростов-на-Дону). 1966. № 4. С. 131.

¹⁴ Флоровский Г. В., *прот.* Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 84.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 38. С. 199.

постепенно превратили эту декларацию в юридический документ. Не случайно в 1920-е годы неоднократно издавались брошюры, в которых текст Декрета печатался вместе с комментирующими его подзаконными актами. Эти акты прилали силу закона практически всем положениям, высказанным священником М. Галкиным в статье 1917 г.

Большевистский Декрет был не единственной попыткой регламентации церковно-государственных отношений в новой России. Иная модель была разработана Поместным Собором в определении «О правовом положении Православной Российской Церкви». В отличие от других определений Собора этот документ не имел характера самостоятельного акта. Это был лишь проект, который Собор собирался предложить Учредительному собранию. Таким образом, Поместный Собор, бывший в то время единственным законно избранным общественным институтом, не считал себя вправе непосредственно диктовать государству нормы церковно-государственных отношений, а откладывал это решение вплоть до созыва Учредительного собрания.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОСКВА 19–20 НОЯБРЯ 2007 Г.

1917-й: Церковь и судьбы России

К 90-летию Поместного Собора
и избрания Патриарха Тихона

Москва
Издательство ПСТГУ
2008